

Анастасия Шарапова

11 класс, МАОУ СШ №150 имени Героя Советского Союза В.С. Молокова, г. Красноярск

Рецензия на визуально-пластический спектакль «Гоголь. Экспонаты»,

Красноярский театр юного зрителя, художник-режиссер Даниил Ахмедов

Маленькие люди

30 января в Красноярском театре юного зрителя состоялась аван-премьера нового визуально-пластического спектакля Даниила Ахмедова «Гоголь.Экспонаты».

Пространство начинает работать еще в фойе: на первом этаже зрителей встречают грифоны, а на втором огромный, просто гигантский Николай Васильевич Гоголь спит, склонив голову на письменный стол и раскинув руки над крошечными крышами Санкт-Петербурга.

Действие на сцене увлекает с первой минуты. Нежные и пластичные, но вместе с тем ритмичные танцы, сизо-черный фон, периодически появляющиеся неоновые титры-цитаты из произведений Гоголя, клубы дыма и снег – противный, облепляющий с головы до ног – все это создает трудно выразимую словами атмосферу то нарастающего, то отступающего беспокойства.

Завораживает музыка Евгении Терехиной, обволакивающая все вокруг. Она не просто существует в пространстве, а становится телом спектакля, придает ему особое звучание.

Одним из действующих лиц постановки оказывается Гоголь (Виктор Буянов). Появляясь на сцене, он с трепетом «лепит» характеры своих героев, словно из мягкой податливой глины, вытаскивает их из общей массы точно таких же заготовок и, надевая парик, становится тем самым Николаем

Васильевичем Гоголем, которого мы знаем еще со школьной скамьи. А герои его поднимаются, срывают с себя белые одеяния, в то время как над ними нависает огромная серая шинель, выросшая словно из-под земли – «Все мы вышли из безмерно широкой “Шинели” Гоголя».

На сцене начинают появляться герои «Петербургских повестей». От боли за них у меня защемило сердце. Мне хотелось кричать о несправедливости этого мира, вскочить со своего места и обнять бедного Башмачкина (Юрий Киценко), поймать и разорвать вуаль ангельски прекрасной незнакомки, оказавшейся в итоге развратной девушкой, и спасти Пискарева (Михаил Гольцов), живущего неуловимой мечтой, раскрошившейся о ступени публичного дома.

Спектакль не имеет четкой сюжетной линии, он похож на сон. Тяжелый, беспокойный летаргический сон, не прерванный антрактом. Все происходит в полутьме, серых клубах дыма. Действия сменяются одно за другим внезапно, пульсируя словно вспышки, а на фоне постоянно слышится беспокойное дыхание и то замирающее, то учащающееся вновь биение сердца.

Интересно, как в постановку по произведениям классика XIX века проникают Робби Уильямс и Моргенштерн – очень уж напоминала его и манера поведения, и прическа – Спектакль становится ближе современному зрителю, который ясно видит, что не меняются ни времена, ни нравы – деньги, роскошь и бесконечное веселье всегда манили и привлекали людей.

Общество жестоко. Беспощадно. Оно как огромная черная карета, периодически появляющаяся на сцене, губит судьбы людей, вдавливая, закатывает их в брусчатку Невского проспекта.

Шумная вечеринка, на которой Акакий Акакиевич, одетый в новую шинель, оказывается в центре внимания – становится главным экспонатом, подходит к концу. На смену ослепляющим софитам и дефилирующим по сцене представителям высшего общества приходят трудовые будни. Серые.

Однотипные. Угнетающие. Эти будни – круговорот, из которого выбраться невозможно. Он поглощает, засасывает, растворяет в себе Башмачкина.

На сцене три огромных стула черного цвета. Первый – самый большой. На нем восседает Значительное лицо. Еще на двух, один другого меньше, – его секретари. Чиновники, окружив себя бумагами, выпрямив спины, сидят в идеально белых накрахмаленных рубашках, черных костюмах и цилиндрах. С важным видом и выражением сосредоточенности они передают по кругу бумажки. В это же самое время под их стульями покорно ходят «обычные» люди. Сгорбившись, не смея поднять глаз, они передают чиновникам документы на рассмотрение и уходят, не дождавшись ответа – те, кто призваны защищать их интересы, бесплодно и бесцельно восседают на накопленном богатстве, не чувствуя никакого побуждения посмотреть с высоты своих бюрократических кресел вниз. Тяжело смотреть, как Башмачкин проигрывает прогнившей системе, пытаясь противостоять ей, и еще тяжелее осознавать, что система эта все крепчает и набирает силу, раздавливая под своими тяжелыми подошвами ссутулившихся маленьких людей.

Пискарева сгубила мечта. Высокий, темноволосый, привлекательный молодой человек в сюртуке цвета красного вина меняется на глазах. Он мучается. Страдает. Мысль об очаровательной брюнетке сводит его с ума. Скрюченный пополам от боли Пискарев стоит посреди сцены, а ангельски прекрасная девушка-видение (Екатерина Подлесная) смеется над ним, и ее грубый мужской голос резко режет слух. Пазл не складывается. Образ, созданный несчастным влюбленным, рушится – недоступная Пискареву красавица оказывается проституткой. Что может спасти его, воскресить идеальный образ? Опиум. И Пискарев спешит за ним к Персиянину.

Маленькие люди уходят из жизни тихо, незаметно: растянувшегося на сцене Башмачкина укрывает старой серой шинелью Гоголь, Пискарев совершает самоубийство – входит в огромный гроб, плавно уносящийся со сцены. Да и сам Гоголь умирает в полном одиночестве: сосредоточенно пишет

что-то, сидя на своем деревянном столе, переворачивается и в одно мгновение оказывается под ним. Стол уезжает со сцены, а в это время писатель отчаянно колотит по крышке своего гроба – погребение заживо – самая таинственная часть биографии Гоголя.

Спектакль Даниила Ахмедова помогает переосмыслить роль писателя: Гоголь является не просто рассказчиком, наблюдателем со стороны – он живет в своих произведениях. В огромной черной карете он катается по Петербургу вместе с распущенными красотками, гуляет по проспекту, ходит в театр и, сгорбившись, прогибается под бюрократической системой. Он видит и чувствует все, что происходит, ему тоже больно. Гоголь пишет: возводит дома и мосты, создает людей, наделяет их чувствами и, может быть, сам того не замечая, проникает внутрь произведения. Он в каждой запятой, каждой букве, выведенной им самим на бумаге.

В «Гоголе» жизнь представляется Невским проспектом – музеем несбывшихся надежд, сломанных судеб и людских слабостей. Гости этого музея в начищенных ботинках, шуршащих юбках и добротных шинелях, скучая, слоняются по его залам, глядят кукольно-пустыми глазами на экспонаты и не видят, как в стеклянных витринах кто-то, обнажив душу, задыхается от боли, как рушится чей-то мир и как недостижимая мечта отравляет чью-то жизнь, разъедая изнутри. Безразличные и лицемерные, ослепленные блеском праздной жизни, они не замечают чужого горя. Не знают, что, в то время как по Невскому проспекту снуют туда-сюда дорогие туфли, проплывают пышные юбки и проносятся самые разнообразные шляпки, кто-то в своей промозглой квартире, словно старая швейная машинка, ломающая иглы, отчаянно вгрызающиеся в полинявшее сукно «худой шинели», из последних сил пытается выжить.